
Г. М. ПРОХОРОВ

Древнерусское летописание как жанр

На всем протяжении своей многовековой истории русское летописание было огромной движущей силой, формировавшей национальное сознание русского народа.

Д. С. Лихачев¹

1. «Временные лета»

Первые слова самоназвания древнейшей известной нам киевской летописи — «Се повѣсти (или Повѣсть) времяньных (или временныхъ) лѣт...».² Обращая внимание на слово «временныхъ»: что означают «временные» лета? Какими они могут быть еще?

Оказывается, еще бывают лета «вечные». Читаем в славянском переводе Псалтири: «Помыслихъ дни первые, и *лѣта вѣчная* помянухъ, и поучахся» (Пс. 76: 6). «Лѣта вѣчная» в греческом тексте Септуагинты — *χρόνοις αἰώνιους*. И в Новом Завете, в Посланиях апостола Павла, говорится о «летах вечных» по крайней мере трижды. В Послании к римлянам: «...по откровению тайны, *лѣты вѣчными* умолчанные, явльшияся же нынѣ...» (Рим. 14: 24); в греческом оригинале Послания «лѣты вѣчными» — *ἔτη αἰώνια* (Рим. 16: 25). Во 2 Послании к Тимофею: «...в благодати данѣй намъ о Христѣ Иисусѣ прежде *лѣтъ вѣчныхъ*» (2 Тим. 1: 9); в греческом оригинале здесь — *πρὸ χρόνων αἰώνιων*. В Послании к Титу: «...о уповании жизни вѣчная, юже обѣтова неложный Богъ прежде *лѣтъ вѣчныхъ*...» (Тит. 1: 2); в греческом здесь — как и во 2 Послании к Тимофею. О Боге в Писании (Пс. 101: 28; Евр. 1: 12) сказано: «...Ты же тойжде еси и *лѣта Твоя не оскудѣютъ*». Очевидно, что «временные лета» подразумевают присутствие в умах писателей и читателей летописи представления о неоскудевающих «летах вечных», свойственных Богу и ожидающих людей по окончании лет «временных». Сознание *временности* «временных» лет проявляется, в частности, в названии Новгородской 1 летописи (младшего извода): «*Временникъ*, еже нарицается *лѣтописание* князей и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на *последнѣе время*...»,³ т. е. на время, предшествующее вечной «жизни будущего века», о которой у Иоанна Экзарха Болгарского сказано: «Глаголють же ся *вѣци вѣчныи*».⁴

¹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947. С. 9.

² Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 1—2; варианты — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 2.

³ Новгородская 1 летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 103.

⁴ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1, ч. 1. Стб. 501.

Имея в виду несомненное противопоставление «временных лет» «летам вечным», я полагаю, что слово «временные» в названии «Повести временных лет» в переводе на современный русский язык не нуждается (может быть, только в возвращении ударения с «ы» на первое «е», чтобы было не «временных», а «временных»): ведь повествуется здесь именно о течении на Руси земного времени, причем с по большей части уже не свойственной современному писателю и читателю точки зрения «лет вечных», «повесть» о которых постоянно наличествует в христианском церковнослужебном и четьем *Писании* (в самом широком смысле), принесенном на Русь с крещением и христианизацией. Я совершенно согласен с М. Ф. Мурьяновым, что «„Повесть временных лет“ говорит своим названием, что она — повесть лет земной преходящей жизни, лет временных, а не вечности».⁵ Подчеркивая эту же оппозицию, Я. С. Лурье пишет, что «летописи были самыми обширными и развернутыми памятниками светского характера среди церковной по преимуществу древнерусской письменности».⁶ Но, как мы видели, и в самом названии летописи — в качестве подразумеваемой оппозиции времени — тоже присутствует Вечность: летопись пишут ведь памятующие о ней христиане. Различая в тексте летописцев погодное известие, «рассказ» и «повесть», И. П. Еремин отмечает, что «основное литературное качество погодного известия — документальность»,⁷ она же присуща и «рассказу», и «повести», но в «повести» реалистическая документальность «вступает в полное противоречие» с антиреалистическим, по его выражению, агиографическим методом изложения.⁸ Мнимое это противоречие как раз и показывает, что и то, и другое, и третье написано людьми, обладавшими способностью смотреть на «временные лета» Русской земли с точки зрения «лет вечных».

Отсчет интересующих летописателя временных лет он начинает с возникновения «Русской земли»; все, что сказано до этого: о разделении земли сыновьями Ноя, о расселении славян, о путешествии на север апостола Андрея, «этнографические» заметки о славянских племенах (в «Повести временных лет») или топонимические заметки о названиях городов и следующее за ними в Новгородской 1 летописи христианское поучение — все это вступления. Момент начала собственно *лето-писания* отмечается специально: «Въ лѣто 630, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля <...> Тѣмже отселе почнем и числа положим...» (Лавр.; в Ипатьевской схоже); в Новгородской 1 чуть лаконичней: «В лѣто 6362 начало земли Руской», но в поучении, ранее, уже есть готовящая к этому началу фраза: «Мы же паки на послѣдование возвратимъся, глаголюще сице о началѣ Русьския земля и о князехъ, како, откуда быша». Ясно, что новгородец знал продолжение названия «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» (Лавр.), — равно как, заметим, и киевлянин знал,

⁵ Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово): К 600-летию Лаврентьевской летописи // ВЯ. 1978. № 2. С. 60. И я никак не могу согласиться с А. А. Гиппиусом, интерпретирующим название «Повесть временных лет» как искажение первоначального «Повесть *времен и лет*». Как на пример трансформации «время и лѣтъ» во «временных лѣтъ» А. А. Гиппиус указывает на древнерусские списки Апостола (Деян. 1: 7), изученные архим. Амфилохием (Древнеславянский Карпинский Апостол XIII в. с греческим текстом 1072 г., сличенный по древним памятникам славянским XII—XVII вв. М., 1885. Т. 1). См.: Гиппиус А. А. «Повесть временных лет»: О возможном происхождении и значении названия // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 448—460. Но такое понимание как-никак — насилie над дошедшим до нас текстом названия летописи, его искажение «по аналогии». Гораздо вероятнее, что текст Апостола подвергся в некоторых списках искажению под влиянием названия «Повести временных лет», нежели наоборот.

⁶ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 93.

⁷ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 69.

⁸ См.: Там же. С. 90—97.

как в новгородской летописи написано о Кие: «нарицають тако перевозника бывша», — на что киевлянин среагировал: «Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ <...> Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но сей Кий княжаше в родѣ своемъ...» и т. д. (Лавр.). Важно, что киевский и новгородский летописцы явно видели, знали писания друг друга.

Итак, Русская земля и ее князья — это главные предметы русского летописания, указанные нам с самого его начала; и оно повествует не только об их происхождении, их минувшем, но и об их будущем с «временными летами» настоящим. А ведь это и есть предметы сосуществовавшего с христианством языческого (во всяком случае, по происхождению) культа рода и земли, о котором применительно к еще не поделенной литовцами и татарами Руси XI—XIII вв. писал В. Л. Комарович⁹ и о котором писал я как о культе вполне еще живом и в Великой Руси в последующие века.¹⁰ Так что в летописании культ Христа-Бога, Вечности-в-настоящем, соседствует с культом княжеской крови, Прошлого-в-настоящем, точно так же, как, заметим, он соседствует в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, где наряду с растолковыванием того, как вечный Бог совмещается в лице Иисуса с временным человеком, мы видим похвалу языческому княжескому роду, роду князя Владимира, или в произведениях, посвященных убиенным княжичам Борису и Глебу, где Борис мотивирует свой отказ от сопротивления брату-убийце, Святополку, во-первых, примером кроткого Иисуса Христа, а во-вторых, покорностью старшему в роде — старшему брату, который ему теперь, после смерти Владимира, «въ отца мѣсто»,¹¹ т. е. — родовой нормой. Так что духовные координаты летописца — Вечность и Прошлое в их связи с наличествующим настоящим — это координаты духовного поля, в котором начало происходить и происходило творчество всей древнерусской литературы, да и всей культуры новорожденного русского народа.

Но если на *жанрах* церковной проповеди, жития, службы это сказаться не могло, так как они уже давно были сформированы, — могло сказаться и сказаться лишь на их содержании, то применительно к русскому историческому повествованию это сказалось и на его содержании, и на самом его жанре.

Главная, пожалуй, жанровая особенность нашего летописания, процесс которого — творческий процесс! — длился более семи веков, — это коллективность и безымянность авторов-летописателей. Летописцы сменяли друг друга, наверное, с переменной частотой, как и обстоятельства их жизни, их правители и покровители, их поколения и представления, но работа их длилась — длилась как в принципе коллективно-безыменно-авторская. Эта работа — стержень, на который «наназывались» разной величины сюжетные повествования, «нарративы». Мы знаем несколько имен людей, причастных к летописанию, и с большей или меньшей убедительностью гадаем, что кем написано — Никоном, Нестором, Сильвестром, Елифаном Премудрым, Матфеем Михайловым... Но полной уверенности здесь нет и в принципе быть, конечно, не может. Имя «Нестера»-летописца сохранил один-единственный список «Повести временных лет» — Хлебниковский (XVI в.), содержащий Ипатьевскую летопись;¹² значит, в древнерусском восприятии летописания мест для имен его авторов *в принципе*

⁹ Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.: Л., 1960. Т. 16. С. 84—104.

¹⁰ Прохоров Г. М. К истории родового сознания в Древней Руси // Исследования по древней и новой русской литературе. Л., 1987. С. 180—184.

¹¹ См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 132; см. также: Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. XI—XII века. С. 330.

¹² The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Cetvertyn'skyj (Pogodin) Codices. Harvard University Press, 1990. P. 4.

не предусматривалось.¹³ Эти замечательные писатели как летописатели в принципе не должны были иметь «литературного имени», они все — единая творческая сила, запечатлевающая бытие во времени Русской земли. Главный процесс творчества летописи, лето-писания, совсем другой, нежели при сочинении жития, повести или романа, чего-то «точечного». Хотя несомненно, что протяженная на века «линия», или «полотно», летописания слагалась из такого или схожего рода «точек», или «отрезков». Т. е. многовековой в целом процесс составлялся отдельными творческими событиями-«квантами» той или иной работы с летописным текстом либо текстами. Когда-то это было начинанием, потом стало продолжением, соединением, пополнением или сокращением и редактированием наличествующего-предшествующего, переписыванием получившегося, а чаще всего, думаю, на протяжении веков было и тем, и другим, и третьим, и четвертым, и пятым разом.

Но такой «квант»-событие больше, нежели на сочинение какого-то авторского текста — жития ли, проповеди ли, похож на исполнение былины-старинны очередным — следующим в ряду многих поколений — сказителем, исполняя, ее редактирующим в согласии со знаниями, вкусами и представлениями своего времени. Случайное ли это сходство? Думаю, что нет: и то, и другое — коллективная собственность. Как эпос по большей части — собственность всего кровно-культурно-родственного коллектива, так летопись — собственность вероисповедно-родственного, чтущего одну княжескую или царскую кровь народа. В поэтике летописания соединились, мне кажется, традиции христианской письменной литературы, по преимуществу лично-авторской, с традициями устного эпического творчества, по преимуществу анонимного. Причем победила анонимность. И богатая, несравненная по продолжительности историография целой громадной северо-восточной христианской страны оказалась схожей не с главенствующими формами написания истории авторами-историографами Византии или Западной Европы, а с маргинальной для их культуры анонимной монастырской анналистикой.¹⁴ Об этом сходстве и несходстве пишет Я. С. Лурье: «Устойчивые признаки русского летописания отличали его от памятников средневековой историографии других народов. Если употреблять западную терминологию, то русские летописи следует считать не „хрониками“ (как обычно переводят их наименование на иностранные языки), а анналами: в анналах изложение тоже строилось по годам, авторство было коллективным и по большей части анонимным.¹⁵ Но жанр анналов уже в позднем средневековье стал на Западе редкостью (их вытеснили хроники); они никогда не имели такого широкого и общенационального значения и таких объемов, как на Руси».¹⁶

Княжеское ли, митрополичье ли, епископское, архиепископское, патриаршее, монастырское, церковно-приходское, городское или царское — в любом варианте летописание росло в духовных рамках двух названных нами культур — Вечности-в-настоящем и Прошлого-(т. е. русской княжеской или царской крови)-в-настоящем. Но, наверное, именно культ Прошлого-в-настоящем, роднящий летописание с эпосом, дает возможность назвать летопись *канцелярским эпосом Русской земли*, народа и его правителей.

¹³ Это отмечал уже Я. С. Лурье: «...летописи не имеют индивидуальных авторов и чрезвычайно редко включают в свой состав замечания от первого лица» (Лурье Я. С. К изучению летописного жанра. С. 76).

¹⁴ См.: Гиппиус А. А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 25—43.

¹⁵ Ср.: Grundmann H. Geschichtsschreibung im Mittelalter. Gattungen-Epochen-Eigenart. Göttingen, 1965. S. 24—28. — Примечание Я. С. Лурье.

¹⁶ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра. С. 76.

Но есть и важная разница между эпосом, например былиной, и летописью: былины-старинны — о былом, «старом», а летопись, «временник», как мы говорили, — и о былом, и о *длящихся* в стране *временных* летах.

Зная писания друг друга и начиная с одной и той же «точки отсчета», летописцы, несомненно, ясно понимали при этом, какая именно перед кем из них стоит задача: в одном случае это — описание лет *всей* Русской земли, в другом — лет жизни главным образом своего города. Так что одну летопись мы по праву называем *общерусской*, а другую, например Новгородскую I, *местной*. Местная естественным образом, как правило, богаче, чем общерусская, местной информацией, а общерусская всегда шире той, так сказать, географически. И это внутрижанровое подразделение, подобное «подразделению» ствола и ветвей могучего дерева, сохраняется все века, до самого конца жизни русского летописания.

Сравнение с деревом неудачно только потому, что ветвь растет из ствола, не имея новых «соединительных мостиков» с ним, по которым тоже могла бы обмениваться с ним соками, а летописи, общерусские и местные, такими «мостиками» или «каналами обмена информацией» соединяются более или менее постоянно: «...у летописца всегда были под рукою одна или несколько летописей, из которых он составлял свой свод, прибавляя данные о современности, расширяя и дополняя текст, где это было необходимо, и внося некоторые исправления. Для этого нужно, чтобы велись собственно летописи — постоянные погодные записи событий».¹⁷

Когда же *не* велось общерусское сводное летописание? Мне представляется, что оно велось всегда, начиная с самого начала, с XI, если не с X в., по XVII, если не по XVIII и XIX вв., может быть, лишь с некоторыми перерывами.

2. Перерывы

Здесь я оказываюсь вынужденным поговорить — не обойтись мне без этого — о представлении, которое не разделяю, — что общерусское летописание было сочинено лишь в XV в., то ли в 1448, то ли в 1418, то ли в 1411 г.

Две взаимодополнительные подборки летописного материала в списке конца XV в. сохранились в так называемой Карамзинской рукописи (РНБ, F.IV.603) и теперь изданы под обманывающим названием «Новгородской Карамзинской летописи»¹⁸ — обманывающим потому, что такой *летописи* не существует. Внимательное исследование на всем протяжении этих *подборок* позволило мне отвергнуть гипотезу о «своде 1448 г.» как протографе Софийской I и Новгородской 4 летописей¹⁹ (название «Новгородская Карамзинская лето-

¹⁷ Волина-Лебедева В. Г. Новый летописец: История текста. СПб., 2004. С. 377.

¹⁸ Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42.

¹⁹ Создателем этой гипотезы был А. А. Шахматов (см.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182—188), а последним яростным защитником Я. С. Лурье: «...известным нам этапом в истории русского летописания следует считать свод, лежащий в основе С1Л и Н4Л («Новгородско-Софийский свод» или «Свод 1448 г.»), — двух летописей, дошедших во многих списках и вариантах и совпадающих между собой на большом протяжении — от начала летописи до 1418 г.» (Лурье Я. С. К изучению летописного жанра. С. 81). См. также: Лурье Я. С. 1) Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 114—139; 2) Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; 3) Общерусские летописи XI—XV вв. Л., 1976; 4) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199—218 (возражение на мою статью в том же томе ТОДРЛ; см. следующее примечание); 5) Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 39—57; 6) Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 185—195.

пись» — производное от гипотезы о «своде 1448 г.», который эти подборки, будучи мысленно сложены, якобы отражают). Оказалось, что первая из подборок протографична по отношению к обоим этим летописям, была использована их составителями, а вторая — по отношению только к Новгородской 4, сама будучи зависима от Софийской 1.²⁰ Значит, не некий «свод 1448 г.» («ученая фикция» А. А. Шахматова), а реально существующая первая подборка Карамзинского списка, доводящая свое изложение до 1411 г., — один из важнейших источников двух вариантов общерусского летописания.

К этому моему выводу о беспочвенности гипотезы о «своде 1448 г.» и о реальном соотношении подборок Карамзинского списка и общерусских Софийской 1 и Новгородской 4 летописей присоединился недавно А. Г. Бобров.²¹ Но он постарался найти компромиссное решение между представлениями об общерусском летописании Я. С. Лурье и моим и увидел в первой из этих подборок «свод 1411 г.», который, как он думает, был создан новгородцем, спутником новгородского архиепископа Иоанна в его поездке в Москву, в Троице-Сергиевой лавре, архимандритом Варлаамом: «...как нам представляется <...>, — пишет А. Г. Бобров, — во время пребывания в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1411 г. или в начале зимы 1411/1412 г. он впервые соединил тексты, относящиеся к новгородской и центральнорусской летописным традициям, в одно целое».²² А потом, дескать, идею архимандрита Варлаама подхватил и плод его труда использовал в Москве митрополит всея Руси Фотий, а следом за ним и новгородский архиепископ...

Но ни одна из двух подборок летописного материала в Карамзинском списке ни в коем случае не является полноценным, рассчитанным на самостоятельное существование, памятником русского летописания. Это — *заготовки*, которые, мы знаем *как*, использовались. Вопрос лишь в том, *когда и как* они создавались: одновременно, как создается *список*, или постепенно, как создается *летопись*. Именно яркие особенности содержания этих подборок привели меня к убеждению, что создание их *текстов* (в отличие от создания дошедшего до нас их списка конца XV в.) было протяженным, что они создавались постепенно, параллельно со сводами, которые они питали своей информацией. Дело в том, что первая подборка является *сводом* выборок из «Повести временных лет» (в чуть иной, нежели известные нам, редакции) и последующего владимирского летописца с выборками из местной новгородской летописи *только до 1185 г.*; далее она (за исключением трех, по-видимому, смоленских по содержанию и двух неясных по происхождению центральнорусских вкраплений в конце)²³ исключительно новгородская по материалу. Это никак не *летопись*, это — *выборка* материалов, предназначенных для летописного свода.

Неполноценность этого текста скромно, в сноске, признает и А. Г. Бобров: «Центральнорусский источник Варлаам использовал только до 1185 г. то ли из-за недостатка времени, то ли потому, что ему был доступен лишь такой текст, да и последующая часть его труда не выглядит завершенной: в ней отсутствует, например, даже упоминание о Куликовской битве».²⁴ Но почти вовсе без внима-

²⁰ См.: Прохоров Г. М. 1) Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198; 2) Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 137—205.

²¹ См.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93—166.

²² Там же. С. 127.

²³ См.: Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа... С. 191—200; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 108—110. Соглашаюсь с мнением А. Г. Боброва о возможном смоленском происхождении трех из этих известий.

²⁴ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 128. Примеч. 146.

ния А. Г. Бобров оставляет мои наблюдения над «неизвестно-откуда-взятыми» материалами в подборках и сводах (хотя сам этот термин использует). А распределение этих материалов уже в первой подборке Карамзинского списка очень интересно: они изредка попадают в части до 6623 (1115) г. (и их литературное происхождение — киевское ли, новгородское ли — кажется несомненным), а затем идет вовсе чистый от них период в 82 года — по 6705 (1197) г. Т. е. избыточные материалы вновь начинают появляться в первой летописной подборке Карамзинского списка вскоре после 1185 г., на котором оканчивается в ней *свод* и начинается выборка из одного, местного новгородского источника. И вот эти-то материалы, я допускаю, могут быть вставками самого выборщика. Повторю то, что писал четверть века назад, потому что, не видя причин думать иначе, думаю так и сейчас: конец сводной части в первой подборке Карамзинского списка (1185 г.) и конец чистого от избытков периода (1197 г.), практически совпадая, показывают, что сведены эти материалы были после 1185 г., но не позже конца XII в.²⁵ Поскольку эти материалы оказались заготовкой для общерусской летописи, видимо, они и сведены были *в целях* ее создания.

Точнее сказать — воссоздания, потому что киевская летопись после «Повести временных лет» на протяжении XII в. — в точном соответствии с постепенной утратой Киевом общерусского политического значения — становилась все более местной, тогда как город Владимир неуклонно возвышался и его летописание, зародившись, расширялось. И именно в 1185 г. тамошний князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, добившись от киевского митрополита Никифора поставления «епископом Ростову и Володимирю, и Суждалю, и всей земли Ростовстей» своего кандидата, Луки, стал (в летописи — со статьи 1186 г.) именоваться великим князем,²⁶ т. е. заявил о своем праве на практически уже им достигнутое верховенство во всей Руси.

«В 1180-х и 1190-х годах, — пишет О. М. Иоаннисян, — апогея своего могущества достигает владими́ро-суздальский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, старейшинство которого в эти годы признается всеми русскими князьями».²⁷ Активнейшее и амбициознейшее белокаменное строительство, ярко отражающее политические претензии этого князя, было начато им, следует заметить, как раз в 1185 г. Оно началось реконструкцией Успенского собора во Владимире, после завершения которой (1189 г.) «в течение 6—7 лет (с 1189 по 1196 год) во Владимире практически синхронно ведется строительство Дмитриевского собора, комплекса дворцовых сооружений вокруг него, монастырского собора Рождества Богородицы и каменных стен детинца с башней, увенчанных каменной же надвратной церковью Иоакима и Анны»,²⁸ причем монастырь Рождества Богородицы, резиденция епископа, по мысли Всеволода, «должен был стать главным русским монастырем и был удостоен сана „Великой архимандритии“».²⁹ Говоря о программе богатейшего скульптурного убранства Дмитриевского собора во Владимире, О. М. Иоаннисян убедительно показывает, что его автор «был носителем очень амбициозной и откровенно имперской идеологии. Вне всякого сомнения, во время создания Дмитриевского собора таким во Владимире был только один человек — сам князь Всеволод Юрьевич Большое

²⁵ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 189.

²⁶ См.: Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 239, 245.

²⁷ Пользуюсь с любезного разрешения О. М. Иоаннисяна текстом его находящейся еще в печати книги «Древнерусское зодчество и архитектура европейского Средневековья», глава «Владими́ро-суздальское зодчество времени Всеволода Большое Гнездо и романская архитектура. Проблема происхождения мастеров и дальнейшее развитие традиции» (С. 103).

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Там же. С. 77.

Гнездо».³⁰ «Основной смысл программы скульптурного убранства владимирских построек, возведенных как Андреем Боголюбским, так и Всеволодом Большое Гнездо, сводится, — считает О. М. Иоаннисян, — к идее прославления единой державной власти князя...».³¹ Так что создание во Владимире общерусского сводного летописания — дело вполне соответствующее ярко выраженным в зодчестве политическим амбициям Всеволода Большое Гнездо. Показательно, что то и другое он начал одновременно, в 1185 г.³²

Итак, первый перерыв в сведении материалов из разных концов Руси в одном летописном тексте, наступивший, получается, после 1115 г. (после окончания «Повести временных лет»), закончился в 1185 г. Концепция возрожденного во Владимире общерусского свода была уже несколько иной, нежели предшествующего, киевской «Повести временных лет»: киевский материал входил в него уже не как главный, а в урезанном виде, на правах *местного*, как и новгородский, а также, заметим, и как свой владимирский, потому что уже существовала и успешно с годами росла также местная владимирская летопись.

Здесь мы обратим внимание на еще одно крайне любопытное совпадение: окончания использования «Повести временных лет» во владимирском местном летописании XII в. и окончания сводной части первой летописной подборки Карамзинского списка. Дело в том, что в Радзивилловской, Лаврентьевской и Переяславской летописях в промежутке 1177—1185 гг. обнаруживаются восемь обширных компиляций материала, заимствованного из одиннадцати мест «Повести временных лет», — из ее текстов 1015—1103 гг. На 1185 г. вставки взятого оттуда материала прекращаются, и летописец начинает (под 1186 и 1187 гг.) повторять уже свой собственный текст (из статьи 1185 г.).³³ Получается, не позже 1177 г. владимирско-суздальский летописец принял откровенно черпать целые периоды из «Повести временных лет», — тем самым, я думаю, ясно показывая, на что он ориентируется как на образец и сознательным продолжателем какого летописания он выступает. Но в 1185 г., совершенно очевидно, его концепция изменилась. Почему? Я ранее допускал, что «летописца, ориентировавшегося на Нестора или Сильвестра, сменил человек, столь же откровенно бравший за образец своего непосредственного предшественника. Так или иначе, этот ряд переносов заставляет думать о 1185 г. как о каком-то рубеже во владимирском летописании».³⁴ Сейчас этот рубеж делается понятным: начав в 1185 г., по приказу Всеволода Большое Гнездо, создавать общерусское летописание у него во Владимире, там стали предшествовавшую киевскую летопись, деля из нее выборку, соединять с выборкой из новгородской, а также местной, владимирской летописи. Местную же владимирскую летопись, попытавшуюся было подняться на уровень продолжательницы общерусской киевской, ограничили в этих ее претензиях, оставив именно *местной* владимирской.

Кажется, татаро-монгольское нашествие и последовавший раздел Руси между Ордой и Литвой прервали ведение общерусского свода, но не навсегда.

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ Там же. С. 100—101.

³² Очень интересны соображения О. М. Иоаннисяна о походах русских князей этого времени на Волжскую Булгарию и на половцев как имеющих отношение к «общехристианскому крестоносному движению», а также об участии во владимирском строительстве итальянских зодчих, но мы здесь не можем на этих темах останавливаться.

³³ См.: Прохоров Г. М. 1) Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 70—72; 2) Радзивилловский список Владимирской летописи по 6714 (1205/1206) год // Радзивилловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 277—278.

³⁴ Прохоров Г. М. 1) Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год... С. 72; 2) Радзивилловский список Владимирской летописи по 6714 (1205/1206) год. С. 278.

О втором перерыве в ее составлении заставляет думать второй чистый от «избытков» период в первой подборке летописных материалов Карамзинского списка, начинающийся с 1237 г., года Батыева нашествия. Мне показалось, что этот период поразительным образом совпадает с перерывом в использовании первой подборки Карамзинского списка в Софийской 1: с 6745 (1237) по 6820 (1312) г. Софийская 1 берет новгородский материал не из нее, а из Новгородской 1 непосредственно. К использованию первой подборки Карамзинского списка Софийская 1 возвращается точно с того же 6820 (1312) г., с которого начинается вторая полоса избытков-дополнений в этой подборке.³⁵ Но А. Г. Бобров по моей же таблице заметил то, что я упустил: «Стоит отметить, — пишет он, — что указанный Г. М. Прохоровым перерыв в использовании НК1 в С1 с 1237 по 1311 г., которому исследователь придает особое значение <...>, не подтверждается данными таблицы, составленной им же (см. использование именно НК1 составителем С1 под 6759 (1251), 6766 (1258), 6771 (1263), 6772 (1264), 6788 (1280) гг.)». ³⁶ Я действительно каким-то образом упустил из вида эти случаи-исключения использования выписок первой подборки Карамзинского списка в Софийской 1 за вторую половину XIII в. на фоне большого перерыва более или менее постоянной связи одной с другой. Естественно, эти случаи надо постараться осмыслить, и, кажется, это нетрудно сделать. Ведь связь с общерусской сводной летописью летописи новгородской посредством, по всей видимости, доставляемых во Владимир выписок из нее была кое-как восстановлена сразу после того, как свободный новгородский князь Александр Невский возвратился в Новгород из Орды (об этом говорится в статье 1250 г. Новгородской 1) и сам присоединил его к Руси Владимирской, т. е. к татаро-монгольской империи. Первая из записей, о которых идет речь, под 1251 г., как раз и говорит об укреплении церковных связей Новгорода и Владимира: «Приеха митрополит Кирил в Новгород и епископ Ростовский Кирил, и поставили Новуграду архиепископа Далмата». ³⁷ Так что второй перерыв в соединении выборок из центральнорусской владимирской и новгородской летописей был короче, чем я первоначально думал.

А дальше заметных перерывов в ведении, составлении и редактировании общерусской сводной летописи как будто больше не было, были лишь этапы или, скорее, *периоды* ее жизни, одним из которых и является так называемый «свод Фотия», старательно восстанавливаемый А. Г. Бобровым³⁸ (т. е. сводная общерусская летопись, какой она была в какой-то момент *при* Фотии). И какое-то время существовал как живой новгородский вариант общерусского свода, возникший в середине XIV в. и прекративший свою жизнь в 20-е гг. XV в. при архиепископе Евфимии II. Для его создания и ведения была создана и потом пополнялась выборка из центральнорусской сводной, общерусской летописи — вторая подборка летописных материалов Карамзинского списка, дополнительная по отношению к первой; их постатейное сложение и создавало новгородский вариант общерусского свода, Новгородскую 4 летопись. Я говорю об этом как о протяженном процессе, продолжавшемся более чем полвека, с середины XIV в. по конец 20-х гг. XV в., — потому, что с середины XIV в. во второй подборке летописных материалов Карамзинского списка (с 1347 г.) и в Новгородской 4 (с 1350 г.) идет густая цепь «неизвестно-откуда-взятых» заметок, материалов, известий новгородского происхождения, принадлежащих, как я думаю,

³⁵ Прохоров Г. М. Летописные подборки... С. 189.

³⁶ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 215. Примеч. 199.

³⁷ См.: Новгородская Карамзинская летопись. С. 84; Софийская 1 летопись // ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 87.

³⁸ См.: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 126—160.

по большей части самим выборщиками и сводчиками, дополнительных по отношению к известиям, происхождение которых понятно.

Вновь, после обрыва конца 20-х гг. XV в., некоторые общерусские черты летопись в Новгороде приобретает, как свидетельствуют изыскания О. Л. Новиковой, лишь после присоединения города к Московской Руси, в конце XV—начале XVI в.³⁹

3. Трансформации

Как раз на рубеже XV и XVI вв. произошла важная трансформация центрального русского летописания: оно было сделано продолжением всемирной истории, начиная с библейской, оканчивая византийской, падением Константинополя в 1453 г. Я имею в виду Хронограф Русский в редакции 1512 г.⁴⁰ Как раз перед этим, заметим, русская княжеская кровь усилиями русских сочинителей была «дотянута» в далекое прошлое до Пруса, «сродника» римского императора Августа: согласно «Сказанию о князьях владимирских», он дал название Пруссии, и его потомками были Рюрик, Синеус и Трувор, первый из которых стал предком московских князей.⁴¹ (Имея в виду это сказание и его влияние, Д. С. Лихачев говорил, что Москва осознавала себя в XVI в. не третьим, а первым Римом — благодаря кровной с ним связи.) Поразительным образом именно после установления этой связи русская история перестала быть отдельной и сделалась продолжением римской, мировой.⁴²

А вскоре затем русское историческое повествование приобрело вдруг «вертикальное» измерение, причем совсем иное, чем прежнее, подразумеваемое «лентами вечными». Близость настоящего к Вечности начало определять Прошлое — длина прошлого княжеской крови, ее «горизонтальный» размер: он оказался определяющим близость носителей этой крови к небу. Так мыслили создатели «Степенной книги царского родословия», позаимствовав сам принцип ступенчатого восхождения, конечно же, у «Лествицы» Иоанна Синайского, Лествичника. Обе «лестницы» ведут на небо, но одна — путем обретения нравственных добродетелей, а другая — путем увеличения числа поколений, которые «яко златыми степенми на небо восходную лествицу непоколебимо водрузиша, по ней же невозбранен к Богу восход утвердиша себе же и сущим по них».⁴³

Еще одно важное событие происходит с русским историческим повествованием во второй половине XVI в. — оно становится авторским. Правда, сначала не на Руси, а в Польско-Литовском государстве: там Андрей Курбский создает свою лично-авторскую «Историю о великом князе Московском».⁴⁴ Очевидно,

³⁹ См.: Новикова О. Л. Новгородское летописание начала XVI в.: текстологическое исследование // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. № 9 (19). С. 221—244.

⁴⁰ См.: Русский хронограф 1512 г. // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22; см. также: Творогов О. В. Хронограф Русский // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 499—505.

⁴¹ См.: Дмитриева Р. П. 1) Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955; 2) Сказание о князьях владимирских // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 370—371.

⁴² О связи самого «Сказания о князьях владимирских» с хронографическими текстами см.: Сидниченко Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 193—207.

⁴³ См.: Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, 1 пол.; СПб., 1913. Т. 21, 2 пол.; Покровский Н. Н. Афанасий (в миру Андрей) (нач. XVI в.—между 1568—1575 гг.) — митрополит Московский... // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 75.

⁴⁴ См.: История о великом князе Московском // БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. XVI в. С. 310—479; см. также: Гладкий А. И., Цеханович А. А. Курбский Андрей Михайлович // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 497—498.

что князь-эмигрант, перестав чувствовать себя членом объединяемого вероисповеданием и верностью царской крови коллектива, вышел из русского «силового поля», и это сразу сказалось на поэтике его исторического сочинения. С началом же XVII в., вскоре после конца династии Рюриковичей, авторское историческое повествование стало вполне возможным — наряду с безымянно-коллективно-авторским — и на самой Руси. Примеры тому — «История в память предидущим родом...» Авраамия Палицына, включающая его Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря,⁴⁵ «Временник» Ивана Тимофеева,⁴⁶ Летописная книга Семена Ивановича Шаховского,⁴⁷ «Словеса дней, и царей, и святителей московских» Ивана Андреевича Хворостинина.⁴⁸

Но любопытно, что обильное проникновение авторского начала в историческое повествование и новых литературных форм и жанров на Русь в XVII в. не прекратило здесь летописания. В первой половине этого столетия, судя по всему по инициативе патриарха Филарета, создается «Новый летописец» — новый потому, что он не связывает настоящее с прошлыми веками жизни Руси, а посвящен событиям только «нового», недавнего Смутного времени.⁴⁹ Однако же начиная с середины XVII в. наступает и во второй его половине происходит очередной расцвет традиционной формы русского летописания: в это время возникают и грандиозные патриаршьи своды 50—90-х гг., и продолженные летописью хронографы, и пространные, и краткие, и княжеские, и дворянские летописцы с «элементами автобиографизма», и фамильные летописцы, и провинциальные — при этом общерусские — новгородские, вологодские, пинежские, двинские, устюжские, а также сибирские, тобольская и кунгурская летописи, и краткие летописцы с изложением важнейших событий русской истории, но доводящие рассказ до своих дней.⁵⁰

«Общерусские провинциальные и местные летописцы, — пишет, подводя итог рассказу о них, Я. Г. Солодкин, — вышли из кругов новгородских и тобольских книжников. Такие сочинения пишутся едва ли не повсеместно (в Ростове, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Астрахани, Тамбове, Торжке, Белой, Устюге Великом, Вологде, Архангельске, Холмогорах), причем и там, где ранее летописных скрипториев не существовало. Поражает социальная пестрота многочисленного круга тогдашних летописцев. <...> Удивительны и многообразны форм, обилие редакций и вариантов летописных памятников „предпетровской“ эпохи. Произведения, запечатлевшие события всероссийского масштаба, соседствовали с провинциальными и монастырскими, фамильными и узколичными, предвосхищавшими рождение мемуарной литературы».⁵¹

Необыкновенный по продолжительности и важности, стержневой для всей древнерусской культуры творческий процесс, «формировавший, — по словам Д. С. Лихачева, — национальное сознание русского народа»,⁵² уступил в XVIII в. магистральное место иным, по-другому духовно ориентированным творческим актам, формирующим национальное сознание в согласии с новыми государственными культурами.

Я думаю, именно маятникообразное (в тот момент в одну сторону) духовное движение, начатое еще царем Алексеем Михайловичем совместно с патриархом Никоном (вызвавшее Раскол), решительно продолженное Петром I и завершен-

⁴⁵ См.: ПЛДР. Конец XVI—начало XVII века. М., 1987. С. 162—281.

⁴⁶ См.: Там же. С. 282—317.

⁴⁷ См.: Там же. С. 358—427.

⁴⁸ См.: Там же. С. 428—463.

⁴⁹ См.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец. С. 378.

⁵⁰ См.: Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 113—156.

⁵¹ Там же. С. 155.

⁵² Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 9.

ное большевиками, — духовная переориентация русской культуры с чрезмерно удлиненного Прошлого, в зависимость от которого попала даже Вечность, на Будущее, — но не к «жизни будущего века» Символа веры, а к земному «политическому» будущему собственного царства-государства, — это оказалось для роли летописания в русской культуре убийственным. Без такого эксцентрического духовного разворота оно наверняка могло бы сохранить свое значение и продолжало бы существовать, я думаю, и поныне наряду со всеми прочими всевозможными жанрами историко-литературного творчества.

Но важно и то, что всякое летописание — и общерусское, и местное — помимо соответствующего духовного «поля» обязательно требует существенной материальной поддержки — содержания не просто «скриптория», а целой «канцелярии». Неудивительно, что, лишаясь прежних духовных ориентиров, а вместе с ними и поддержки власть, авторитет и деньги имущих, оно заканчивало свое многовековое существование, тематически от начала к концу сужаясь, — как провинциальное, монастырское, церковно-приходское, семейное и личное.

Попытки оживить его предпринимались, впрочем, еще в конце XVIII в. и даже в конце XIX. Так, в 1792 г. по инициативе обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина это правительствующее учреждение издало указ, которым — ввиду того, что «в древние времена многие из духовного звания, а особливо из монашества, были трудолюбцы, упражнявшиеся в записках о случающихся достопамятностях, которые и к продолжению или поправлению российской истории послужить могут, а в нынешнее время оное полезнейшее упражнение совсем оставлено...», — повелевалось «преосвященным и монастырским настоятелям всех ведомств своего способных к таким летописям людей, а особливо из ученых, поощрять, дабы они не оставляли упражняться и в замечаниях случающихся достопамятностей, потребных к продолжению истории Отечества своего, дабы из сего и в будущие времена могла последовать подобная нам от древних летописцев польза».⁵³ Еще один — последний, кажется, — указ Синода о развитии церковного летописания был издан в 1866 г., а заключительное «бурное развитие церковного летописания» (связанное, по мнению С. О. Шмидта, с личностью обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева)⁵⁴ имело место незадолго до конца династии Романовых, в 1880—1890-е гг.⁵⁵

Не исключаю, что какие-то церковные летописцы успели внести в свой труд под 7426 (1918) г. запись о зверском убийстве захватившими в стране власть царевницами и богоборцами, называвшими себя «большевиками», мальчика-царевича, его четырех сестер-царевен и их родителей: запись об этом была бы логическим завершением начатого тысячу лет назад рассказа о «временных летах» тех, кто на Руси «нача первѣе княжити».

⁵³ Добренский С. И. А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание конца XVIII—начала XIX в. // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. 27—29 августа 2000 года, Ярославль—Рыбинск. Ярославль, 2001. С. 331—332.

⁵⁴ Шмидт С. О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Историческое краеведение: По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 201—224. Статья перепечатана в сб.: Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 136—153. — Примечание С. И. Добрянского.

⁵⁵ Добренский С. И. А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание... С. 332—333.